

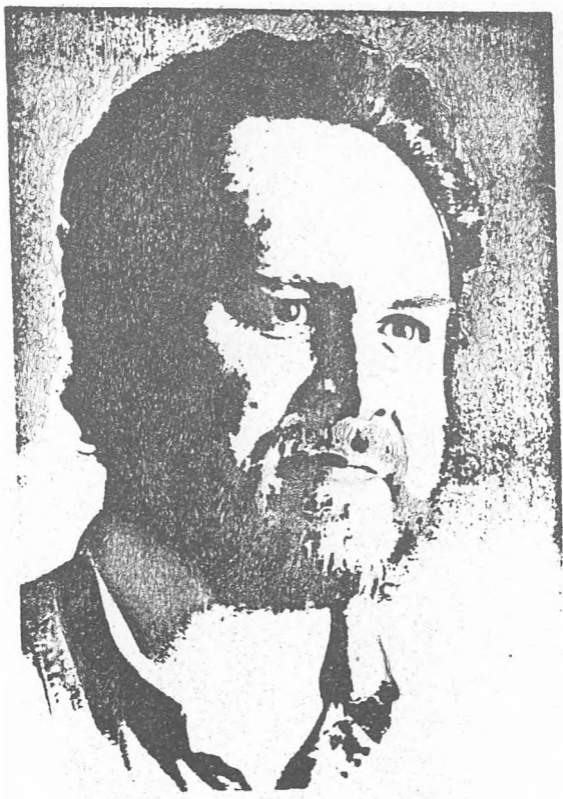
Юрий Колкер

ЗАВЕТ И ТЯЖБА

СТИХИ

1982 — 1993

**СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1993**

Юрий Колкер

ЗАВЕТ И ТЯЖБА

СТИХИ

1982 — 1993

**СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1993**

Безгонорарное издание
Субсидировано автором

(аннотация)

Юрий Колкер

Завет и тяжба: Стихи. — СПб.: Сов. Писатель, 1993

ISBN

Завет и тяжба — четвертая книга стихов Юрия Колкера. Книжки *Послесловие* (1985) и *Антивенок* (1987) вышли в Иерусалиме, *Далека в человечестве* (1991) — в Москве. Стихи Ю. Колкера публиковались во многих отечественных и зарубежных изданиях, в том числе в журналах *Нева*, *Континент* (Париж), *Двадцать два* (Тель-Авив), *Стрелец* (Джерси-сити), *Звезда*, *Аврора*, *Грани* (Франкфурт на Майне), в газете *Русская мысль* (Париж), в альманахах *Молодой Ленинград*, *Родники* (Москва), *Встречи* (Филадельфия), в антологии *Русские поэты на Западе* (1986). Ю. Колкер родился в 1946 году в Ленинграде, эмигрировал в 1984 году; в настоящее время живет в Лондоне. Книга выходит под редакцией автора, с сохранением некоторых особенностей авторской орфографии.

© Юрий Колкер, 1993

* * *

За новизной бежать смиренно
Народ бессмысленный привык.

Пушкин

Иван Бунин как-то написал шуточные стихи на случай с использованием составных рифм. Молодая женщина, уже прикасавшаяся к *парнасскому перу*, с занятой непосредственностью спросила поэта, отчего он не пользуется тем же приемом в серьезных стихах — «ведь у него выходит не хуже, чем у Маяковского». Бунин вспыхнул — и не стал отвечать по существу. Если бы он удостоил любопытствовавшую ответом, он, возможно, сказал бы ей следующее: рифма *кровь — любовь* есть живая реальность, языковая данность, отменить которую мыслимо только вместе с русским языком; в эстетике быть левым значит служить сиюминутному («На рынок! Там кричит желудок...»); подлинные стихи вызывают к высокому в человеке, и наш век тотчас перестанет быть низким, как только мы перестанем упиваться низостью; наконец, для поэта нет лучшей похвалы, чем услышать, что он отстал от времени: ведь это значит, что он противостоит времени, то есть осуществляет сокровеннейшее предназначение искусства.

Я попытался на свой лад воссоздать строй мыслей Бунина в заботе о читателях, ждущих от поэзии новизны: боюсь, им незачем переворачивать эту страницу.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ТРИ ЕДИНСТВА

<i>«Сомкнулась картина природы...»</i>	9
ПОХВАЛА ПОСРЕДСТВЕННОСТИ	10
<i>«Еще ты полон этим днем холодным...»</i>	11
СВЯЩЕННЫЕ ТАНЦЫ	12
<i>«Не живем, все готовимся жить...»</i>	15
ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ	16
<i>«Сумрачен пир бытия...»</i>	18
<i>«Там вечные звезды идут...»</i>	20
ПРОЩАНИЕ С КАМЕНОЙ	21
ПРОЩАНИЕ С КИПРИДОЙ	23
<i>«Нам света и воздуха дали взаимы...»</i>	24
<i>«К кому ностальгический вой...»</i>	26
<i>«Не знаем и знать не будем...»</i>	27
УТРО НА ТРОИЦКОМ МОСТУ	29
НОВЫЙ ГОД	31
ЛУЧШИЕ МЫСЛИ	33

К ДЕЛЬВИГУ, НА УТКИНОЙ ДАЧЕ	35
1. «В котельной, чуть мелодия изменит...»	35
2. «Как итальянец, ежедневно фугу...»	36
«Елей и мед — нашептывать стихи...»	37
В НОЧЬ СМЕРТИ ГЕНСЕКА...	38
ОНА И ОН	39
СТАРИК	41
«Пленница плачет, поет...»	42
«Бог одинок — вот и торопит лучших...»	43
«Неудача — не повод для грусти...»	44
ПИСЬМО	45

II. НОЧНЫЕ ТРАВЫ

ИВАНОВА НОЧЬ	49
«Россия... Да точно ли было?...»	53
«Насос гремел. Приятель был угрюм...»	54
«Жалко Россию. С три короба миру она...»	56
«Прости, невозвратимый праздник...»	57
«Конец июня, зной и лень...»	58
«В этом царстве растений...»	60

III. ОРИЕНТАЛИИ

ПОХВАЛА ПОСРЕДСТВЕННОСТИ	63
«Несчастливая любовь питает и ведет...»	65
БАЛЛАДА («Жил человек в Шварцвальде...»)	66
«Архитектура — вот что Ему...»	70
«Дорога сворачивает на Камчатку...»	72

БАЛЛАДА («Был я мал. Судьба была не видна...»)	74
«Харита строгая нашептывает мне...»	77
ПОДРАЖАНИЕ БЛЕЙКУ	78
ЯСОН	79
«Ее первым любовником был...»	81
«Противится твоя совесть, велик соблазн уклониться...»	82
СИЕНА	83
ВО ФЛОРЕНЦИИ	85
«Грустно шотландцам. История не удалась...»	87
«Мы зависим от произнесенных...»	88
«Там будет счет другой. Вся подлость отойдет...»	89
Влачи сквозь низости и тщету...»	90
«В спокойном сознании своей правоты...»	91
«Мой польский классик, за ручьем твоим...»	92
«Тем душе тривиальность любезна, что ты...»	94
«Политик в той земле доживал...»	96
ВОСЛЕД ЗА ПЕРСЕФОНОЙ	98
1. «За топкой, на Адмиралтейской шесть...»	98
2. «Мне чудилось: я Молоху служу...»	99
3. «Вот трое у стола, за дверью дождь...»	100
4. «На площади святого Марка, у...»	101
5. «Рациональный гений не у дел...»	102
6. «Веди и помни — вот ее слова...»	103

I

ТРИ ЕДИНСТВА

Разве к человеку речь моя?

Иов 21 : 4

* * *

*Сомкнулась картина природы
Осколки волшебно сошлись
Пространствовав долгие годы,
На сушу ступает Улисс*

*Последние важные части
Вписались в орнамент большой:
Откристаллизованы страсти
Утратолюбивой душой*

*Я выяснил, я понимаю
Механику бездн и вершин,
Бестрепетно я нажимаю
Пускатели тайных пружин, —*

*И вещие твари эфира
Являются в должных местах
С ключами от лучшего мира,
Известного в общих чертах.*

ПОХВАЛА ПОСРЕДСТВЕННОСТИ

Auream quisquis mediocritatem...

Сердце, золотая *середи́на*,
Разуму посредничая в счастье,
Ты щедрее лампы Аладина,
Выше, повелительнее страсти.

Тягостны людские упованья.
Жил я долго, лучшего — не встретил:
Сердце, ты — источник дарованья,
Как однажды Батюшков заметил.

Если ты — *посредственность*, святее
Старое, изначное имя
Станет мне. Бесхитростной затее
Жертвую страстными, напускными.

Пьют волокна, сведены в объятья
Вечностью, лишь в смерти расторгимы,
Из глубин священный ток зачатья,
Сердцевины смысл непостижимый.

* * *

Еще ты полон этим днем холодным —
Но счет закрыт: твой труд, твоя печаль,
Все то, чем был ты пред лицом Господним,
Занесено на вечную скрижаль.

Нет корректуры для последней правки,
Обмолвки не искупишь кровью всей,
Приходит ночь, и ангел очной ставки
Является над совестью твоей.

СВЯЩЕННЫЕ ТАНЦЫ

Ты, помнится, шла босиком.
Пружинил чуть влажный торфяник
Под маленькой ножкой твоей.
Июньское небо сияло,
И травы бездумно цвели.

Коричневой лентой вилась
Тропинка. Поодаль виднелись
Дома садоводства Я нес
Две узеньких лодочки, стелек
Подпревших лоя аромат.

Зачем твою милую тень
Я вызвал? Два раза сменилось
Скудели моей вещество —
И рад я, что наша разлука
Таким сургучом скреплена.

Как ветер был дивно упруг
В то утро! Как сладко пространство
Влекло и лелеяло нас
В тот полдень на дачной тропинке!
Как время упруго лилось!

Недавно я был там. Тропы
Не стало. Болото расселось.
Меж кочек, томатных лагун
И ржавых лиманов к поселку
Пути для меня не нашлось.

Но этот subtilный ландшафт
Не я ли? Пространство и время
Нас ласками не обошли.
Пленительный очерк разрухи.
Этюд расслабленья. Распад.

И тот незапамятный день
Мне нужен как точка отсчета —
Счей твоих, и облаков,
И знаков цветущих вкрапленья
Играют служебную роль.

Мой биноклярный прибор
Настроен. Осунулось время,
Поникло пространство, и сень
Поднявшейся рощи закрыла
Ряды садоводческих дач.

Не знаю, окреп ли мой дух,
Но слово мне стало послушно.
Оптический фокус его —
Улыбка. Без примеси грусти
Я вижу, как я постарел.

Там, линзы мои наведя,
Я вижу тебя молодойю,
Веселой, полною сил, —
Здесь, если на улице встречу,
Боюсь, не узнаю тебя.

И вот я с улыбкой смотрю
И вижу: по дачной тропинке,
Влекама упругой волной
Июньского ветра, босая,
Идешь ты одна, без меня.

1982

* * *

Не живем, все готовимся жить —
И стареем, не жив. Умираем,
Не взрослея. Лишь муку вложить
В полущепот, лишь боль заглушить
Полувздохом впотьмах успеваем.

Ты ребенок, и ты же — старик,
Интроверт, эгонист, оборванец.
Сколько замков воздушных воздвиг,
Сколько смыслов ты вызвал из книг,
Мотыльков, не окончивших танец...

Что ж, добавим изюму в кутюю,
Меду майского выставим в крынке.
Отблеск слова в нездешнем краю,
Осентявшем трущобу твою,
Подделастит по живому поминки.

ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ

...И вспомню я себя теперешнего,
Из тех краев, издалека, —
Еще во что-то смутно верящего,
Еще грустящего слегка.

Покажутся безмерно странными
И эта очередь, где я
За булочками с марципанами
Стою, иллюзии тая,

И даль промозглая Литейного,
Где я, нахохлившись, бреду
В объятьях года юбилейного,
С щедеушной музою в ладу,

И комната (полуобрушена
Стена, дыра под потолком),
И песнь моя (полузадушена
В соседстве с кислым молоком),

И девочка, такая худенькая,
Что страшно на нее смотреть.
Вот, вспомню, жизнь моя полуденная, —
И легче будет умереть.

1982

* * *

Сумрачен пир бытия.
Праздник утих в одночасье.
Горняя гостья моя,
Не торопись восвояси!

Хоть и безрадостно тут,
В глине глагол обитает.
А наверху — подождут.
Что им? Часов не считают.

Душу снедающий пыл
Я ли не отдал гнездовью?
Я ль наш союз не любил
Неизъяснимой любовью?

Не было дружбы нежней,
Не было верности строже.
Торжествовал Гименей,
А не Эрато. За что же,

Милый вертеп осень
Шелестом крыльев, ошую
Ты оставляешь меня
Тьме, подступившей вплотную?

1982

* * *

Там вечные звезды идут
Своим чередом, —
Казенный, обшарпанный дом
Находился тут.

Там божье дыханье во всем,
Чего не коснись, —
Беда с нищетою сошлись
В жижище твоём.

Взмывавшую в дивную высь,
В последний приют, —
Под утро, прибрав, повлекут
По лестнице вниз.

ПРОЩАНИЕ С КАМЕНОЙ

Как нести твоё иго, не знаю.
Что *влюбленность и бедность!* Тут страх
Леденящий, пустыня сквозная
Распростерты в обоих мирах.

Болеи' зобом лирический гений,
С голодухи роняет перо.
У поэта — ни эха, ни тени,
Лишь архангелы: Слава! Добро!

Да и ты, моя гостыя, иначе
Представляешь сквознякам мировым,
Мне кивая на *Уткиной Даче*,
По соседству с котлом паровым.

Остывает союз наш порочный,
За сумою сулящий тюрьму,
Не любовью, а связью побочной,
Отступает в халдейскую тьму.

Навсегда, словно в детстве, загадка,
Вся — смешение света и тьмы,
Ты — в минувшем, где времени складка
Остывает, где грезили мы.

Так прости же меня и не сетуй!
Самый вздох обращается в пыль
Над стоячей полуночной Летой —
Ледовитой рекой Оккервиль.

1992

ПРОЩАНИЕ С КИПРИДОЙ

Что ж, не пора ль? Но что возьму с собой
Из рощ твоих? — Кошмар, опустошенье,
Голконду ужаса... Авгур слепой,
Тельцу творящий жертвоприношенье,
Не меньше ли несчастен и нелеп,
Чем я, с альковым путающий склеп?
Безумство, стыд, блаженство со слезой —
Вот опыта гнетущая изнанка.

Какою терпкою лозой
Ты нас поишь, Островитянка!

* * *

Нам света и воздуха дали взаимы
С лихвою в Твоем ателье —
Счастливые дети, страданием мы
Наш долг возместим на земле.

За милую душу (а, может быть, две:
Платон рассуждает о двух)
Учетная ставка Твоя — гольтьбе
Подспорье, Творительный дух:

На ренту трудящимся жить не с руки.
К тому же, в меня Ты влюблен —
Зато и проценты Твои высоки,
Заоблачный Пигмалион.

Живое страдает — Ты зверя во мне
Извел, тунеядца избыл,
И боль, чтоб любимчик был счастлив вполне,
Сомнением усугубил.

Мне все Твои ласки известны давно,
От них помрачилась душа.
Светло в Твоем мире, лишь в душах темно
Не этим ли жизнь хороша?

1982

* * *

К кому ностальгический вой,
Во тьме обращаю?
Кто ведает плотью живой?
Пред кем я страдаю?

Пред кем, ужасающе гол,
Стою, как впервые, —
Весь — нерва трепещущий ствол,
Поля болевые?

Кем проклято тело — тюрьма
Грехов изначальных?
Страшны нам Твои закрома,
Великий молчальник!

* * *

*Не знаем и знать не будем,
Зачем, осмысляя прах,
Ты склянку цикуты людам
Поднес на семи ветрах.*

*Ты дразнишь нас: самобранку
Потянешь за уголок —
И вывернешь наизнанку
Вселенную, как чулок.*

*Ты даришь нам из улова
Набрякших сомненьем звезд
Двудомную совесть: слово,
Кусаящее свой хвост, —*

*И там, где вчера зефиры
Искали с Тобой родства,
Сегодня — черные дыры
Остывшего естества.*

Не жертвенного ли дыма
И впрямь Ты алчешь, Господь?
Зачем так неумолима,
Так неуголима плоть?

Клянем, поучаем, судим —
И чувствуем со стыдом:
Не знаем и знать не будем,
Куда мы во тьме бредем.

1982

УТРО НА ТРОИЦКОМ МОСТУ

Река очистилась, но холодно. Зима
Своих высот не уступает.
Просторная и светлая тюрьма —
Край тучи, акватория, дома —
В негреющих лучах так весело сияет.

На этих пажитях не роскошь ли грустить?
Юдоль людская многоводна.
Вот шпиль над казематами блестит,
Вот стадо уток у моста гостит,
По ледяной воде распределясь свободно.

К чему тут новости? Адамов труд, прости.
Установился мир явлений.
Крепки экклезиастовы пути.
Потусторонней тени отвести
Не силится молвы усердствующий гений.

Все в подражании, как древние твердят:
Суть творчества, любви и чести
И мира постиженья. Самый ад
Терпимее, когда его скрепят
Единством действия — во времени, на месте...

Весна не новую приносит благодать.
Спасибо ей! Она все та же.
Как я люблю ее, не передать.
С тех пор как дух мой начал увядать,
Все сокровеннее ее возврат, все краше.

1982

НОВЫЙ ГОД

Не все ль в этой жизни было,
Что может судьба вместить?
Психею, что загрустила,
Не время ли отпустить?

Но нет, хоть полна копилка,
И переучтен итог,
Затягивается ссылка
Еще на один виток,

Терпи, хоть вконец приелись
Затверженные без нот
И кеплеров долгий эллипс,
И кориолисов гнет.

А там — хулахуп орбиты
В стооую мглу стряхнешь,
Все радости и обиды
Подателью их вернешь,

Белково-астральной жиже,
Где бедствует естество,
Кивнешь с порога... Все ближе
Последнее торжество.

1982

ЛУЧШИЕ МЫСЛИ

Лучшие мысли, ровесники дантовых дум,
В кухне поэта находят: он моет посуду.
Вывелись море и скалы, где, горд и угрюм,
Мнил его прадед великий: *вовсеки пребуду...*

Только угрюмость осталась, а гордость ушла —
Или иною, невысокомерной сменилась.
Демократическая, кафкианская мгла,
Хлябь коммунальная — в те времена и не снилась.

Схвачены мы небывалой доселе игрой:
Фабулы нет, музы возгласов громких стыдятся.
Что-то умолкло в классической схеме. Герой
Гладит пеленку, подмосткам оставив паяца.

Лучшие мысли — в вагоне, набитом битком
Бедами, горестями и враждой беспредметной,
В хмурой толпе — осеняют счастливица тайком,
Голос он слышит приветливый, шепот заветный.

И проступает в убогом и страшном быту
Нечто щемяще-прекрасное, неназывное,
Будто в подводных садах, где, ступив за черту
Жизни, блуждает Садко, вспоминая земное.

1984

К ДЕЛЬВИГУ, НА УТКИНОЙ ДАЧЕ

I

В котельной, чуть мелодия изменит,
Само уединение — не впрок.
Беда непьющему! Он плащ наденет,
Скобу откинёт, станет на порог.

Вспорхни над Охтой, ноев голубок!
Воздушной волной мой лоб заденет,
И углубится, оживет лубок,
И пастушка с принцессою поженят.

Надеждой застарелая беда
Согреется. Благословляя муку,
В зловонный склеп сквозь грязную фрамугу

Участливая явится звезда
И с нею — пыл старинного труда
И оправданье милому недугу.

II

Как итальянец, ежедневно фугу
Писавший, чтоб не унывать, — так мы
Лазурный берег вызовем из тьмы
Затем, чтоб беса посрамить и скуку

Убить, твою ленивую науку
Явить, свидетельствовать: нет тюрьмы,
Где нам чужое нужно брать взаймы
И душу невозможно всерить звуку.

В конечном счете, всякий труд — игра.
И твой урок — прекрасная условность,
Обряд, аптечка смысла и добра,

Бинокль. Прописанная нам *духовность*
Не больше — пусть поверят доктора —
В нас к вечному возобновит готовность.

* * *

Елей и мед — нашептывать стихи,
Внушенные твоим несовершенством.
Не разумом открылся нам обряд,
Который наши внуки повторят.
Душа жива наследственным блаженством,
Где ласточка хлопочет у стрехи.

Звук правильный интимен, в нем — завет
И тяжеба с Собеседником небесным,
Которого назвать я не хочу,
Но лишь Ему последнее шепчу,
С Ним пребываю в единеньи тесном
(хотя Его, пожалуй, вовсе нет).

Пусть нет Его — Он тешит нас игрой
Таинственной, бесцельной и манящей.
Едва слышу — и в глазах темно:
Молитвенное, жаркое руно
Течет в душе мелодией щемящей
И вещей звезд преобразует строй.

**В НОЧЬ СМЕРТИ ГЕНСЕКА
ВОЗВРАЩАЮСЬ В МОЮ
КОТЕЛЬНУЮ**

Ветер свистит, как нагайка,
Страшен в своей правоте.
Дух одиночества, чайка,
Льнет к одичалой воде.

Видишь, туман багровеет,
Сжались теснее дома.
Девственным ужасом веет
Новая эта зима.

Где мы? Зачем эта птица
Так неприютна в ночи?
Что с нами завтра случится?
Тише ... ни слова ... молчи ... —

Будущность, точно Джульетта,
Взявшись рукой за живот,
По снегу, в саван одета,
К нам переулком бредет.

ОНА И ОН

Любовь и низость, страсть и жалость,
Восторг и страх —
Все в ней, бедняжке, совмещалось,
Смущая прах.

Увлек ее беды проточной
Густой сироп
В глубинный, чудный и порочный
Калейдоскоп.

Меж гад морских, как Наутилус,
Она плыла, —
Но отделять не научилась
Добра от зла.

Боюсь, на том конце туннеля,
В иной стране,
Не просто будет им с похмелья
Сойтись в цене.

Когда и впрямь она крылата,
А Он царит,
Лишь обоюдная расплата
Их примирит.

1982

СТАРИК

Повинную, сухую плоть
Вот-вот разжалует Господь,
Обратно вытребует душу,
И ты сидишь полуживой
И ужас неизбывный твой
Не смеешь выплеснуть наружу.

Ты все изведаль, что земля
Приуготавливает для
Своих побегов нелюбимых,
Чем клонит мыслящий тростник,
Чем гонит выкормышей книг
И чем напутствует гонимых.

Как будто не о чем жалеть,
Но нет: еще, еще болеть,
Еще терпеть и греховодить...
Сидишь, перед тобой стекло,
Пространство челюсти светло,
И ночь свои объяття сводит.

* * *

Пленница плачет, поет,
Мечется, клетку теснит.
Что, если выпорхнет? Вот
Клювом настойчиво бьет.
Краска сбегает с ланит.
Ластрчку небо манит.

Ужас. Одышка и пот.
Слабость. Грызет и саднит.
Что моя пташка клюет?
Молот в груди моей бьет.
Сладко, зловеще звенит
Маятник, чуя магнит.

* * *

С.Б.

Бог одинок — вот и торопит лучших.
Уж с этой, кажется ему, уж с тем
Мы душу отведем, мы столько жгучих
Безотлогательно решим проблем.
Меж них и ту: что в нас первично — дух
Или скудель? вторично что из двух?

Душа к нему стремится, весела:
Она его утешит, приголубит,
Еще с порога крикнет: «Как дела?» —
А он, меж тем, уже другую любит.
Тем и несчастен Вечный сердцеед:
Ему с возлюбленной слиянья нет.

Ответь, Зиждитель, почему не я,
А тот, с кем я не мыслил и сравниться,
Так страшно умирает? Где статья
В завете? чем сумеешь заслониться
От вопля грешника? — Но твердь молчит,
А смерть при деле, маятник стучит.

* * *

Неудача — не повод для грусти.
В самом деле, о чем ты грустишь?
Как река разливается в устье,
Так душе открывается тишь.

Все загадки ты выяснил в жизни,
До конца эта пьеса ясна.
В вышине, в невозвратной отчизне,
Тишина по утрам. Тишина.

Нас выносит. Там лодка рыбацья
Или бакен? Залив все ясней.
Даже если вся жизнь — неудача,
Ни слезы не уроним о ней.

1982,
Ленинград

ПИСЬМО

Далекie и близкие, о вас
Я вспоминаю в этот страшный час...

Еще я дома. Полночь. Спит ребенок.
Посуда вымыта. Соседи спят.
ТВ не истязает перепонок,
И низости не застилают взгляд.
Еще я с вами... Право, жизнь прекрасна!
В ней столько неотъемлемых свобод,
Что стыдно ныть. Кто сетует напрасно,
Тот в наш союз заочный не войдет.

Прощайте! Взгляд в сплошную ночь вперяя,
Я мой удел за кадром узнаю:
Поит блаженных истина вторая
В навуходоносоровом раю.
Я знал во тьме минуты озаренья,
Я жил не зря, мой труд не зачеркнуть.
Влекла меня одна из тайн творенья
На этот гибельный и сладкий путь...

II

НОЧНЫЕ ТРАВЫ

**... И хочется сказать, что в наши времена
Тот честный человек, кто родину не любит.**

Алексей Жемчужников

ИВАНОВА НОЧЬ

Косарь выходит засветло. Заря
В просторных складках опадает в травы.
На длинной жерди за его спиной
Коса поблескивает щучьей сталью,
Отбита и наточена бруском.
В лугах и рощах шорохи ночные
Полны значенья — он их различает.
Он чует запахи. На змей и жаб
Ногою осторожной не наступит.
Он слышит, знахарь, искусственным ухом
Орган: сквозь мглу восходит злак челом;
Несметные былинки, прозябая,
Поют в свои коленчатые трубы,
Обильною росой упоены.
Проказы нежити ему не внове:
С болота кличет выпью водяной,
И леший ухаёт в ответ совою, —
В ночь на Купалу им потеха. Путник,

Свирелью

Поеживаясь, ускоряет шаг.

Очнулись звезды. Вespera кристалл
Над папоротниками заблестал.
Светил в избытке. Бродят светляками,
Освободясь от барщины небесной,
Мерцующие шалые огни.
В низине он садится на колоду
И ждет, творя молитвы и крестясь.
Часы бегут. В созвездье Водолея
Луна условной колеей вступает.
Теперь пора. В ладони поплевав,
Он начинает свой урок полночный.
Коса идет свободно, широко.
Люцерна, клевер, лютик, молочай,
Куга, осока мерными волнами
Под правильное лезвие ложатся.
Туман ползет с болота. Ровно в полночь
Кричит сипуха. Срезав тонкий хвощ,
Коса ломается. На стебле странном,
При глеющей гнилушке наклонясь,
Он различает красный, небывалый
Разящий и дурмящий цветок.

Работа кончена. Костер горит.
Крест, связанный из двух валежин, крепко
Волхва от любопытных ограждает.
Ночь улюлюкает и стонет. Искры
Выхватывают за чертою круга

Завистливые, блеющие маски
На миг сгущающиеся из мрака,
Чтоб тут же и рассеяться. Возня,
Шнырянье слышится неплотных тварей
И сетованья: «Не уберегли...»

Светает. Нечисть выдохлась. Костер
Потух. Кулик неподалеку плачет.
Вещун идет домой. Тринадцать лет
Косил он заповедную ложбину,
Двенадцать раз Иванов день встречал
Ни с чем, в кустах багульника и травах.
Преобразилась местность. Не узнать
Былых угодий. Молодость прошла,
Надежды схлынули. Окреп подлесок.
В его лице — ни тени торжества.
Давно соблазны отстранив мирские,
Кладонскатель, он не хочет злата,
Любви и славы, власти и возмездья,
Ночного зелья в кузницу не бросит
И снадобьем не злоупотребит.
Покой и воля — вот его добыча,
Единожды дающаяся в руки:
Клад редкостный, несметный, баснословный.
Сегодня он обрел его навек.
С заветной ладанкою не страшны
Людские узы, козни и заклатья.

В свой на отшибе выстроенный дом

Он драгоценную находку вносит,
Между шалфеем, зверобоем, мятой
Ее кладет — и москотильный дух
Перешибается живым и пряным
Дыханьем ночи, тайны и свободы.

1983-83

* * *

Россия... Да точно ли было?
Густеет отчества дым.
Шагает убойная сила
По стогнам и весям твоим.

Последнюю стать напрягает
Саркомой разъятая плоть.
Все темные силы шагают
Тобою... Не с ними ль Господь?

1984

* * *

Насос гремел. Приятель был угрюм,
Пил чай, отогреваясь понемногу,
И говорил. Индустриальный шум,
Был к месту, не мешая монологу.

«Я не люблю Россию, не люблю.
Любил, но бросил. Разлюбил. Насильно
Не будешь мил. Не то что там Кремлю —
И Пушкину не поклонюсь умильно.

Полжизни я не верил, что она
Мне мачеха — и, пасынок случайный,
Вздыхал: ее снегов голубизна!
Ее размах! простор необычайный!

И пышный город, где вся жизнь моя
Прошла, где русский дед мой большевичил,
Где нет мне ни работы, ни жилья, —
Не дорог мне. Долгов — сложил да вычел.

За что любить мне этот Вавилон,
Глухою, неправдоподобной злобой
Меня баюкавший? Чем лучше он
Флоренции, к примеру? дух особый?

Пусть так: во мне обида говорит.
Но нет: и скука, не одна обида,
И честь. Зря льстится почвенник: хитрит
С ним женщина, Камена иль Киприда.

Всех чаще — Клия. Девственницы сей
Уловки до оскомины знакомы.
Советует: добро и разум сей,
И усмехается: пожнешь погромы.

И странен мне поэт чудесный тот,
Кто все отмел — и гнет, и голос крови, —
И — в новой инкарнации — тенет
Все той же домогается любви.

Нет, мой девиз: семь бед — один отъезд...»
Год орвелловский выдался, унылый.
Он похоронен в Парголове. Крест
Над неказистой высится могилой.

* * *

Жалко Россию. С три короба миру она
Наобещала. Гордилась, себя не жалела.
Мойры трудились в сених ее. С веретена
Лишку Атропос отхватывала то и дело.

Лаской взяла. Намешала в канавах кровей
Вдоволь и впрок. Меж сладимых березок и елок
Русской равниной свинцовый прошел суховец —
Доски стругай да тасуй черепа, археолог.

Русскому богу прислуживал русский мороз.
Пальмы на стеклах крепчали. На празднике кущей
Грезили, ждали неслыханных метаморфоз —
И дождались. На дворе избавитель грядущий.

Жалко Россию. Пришлось ведь умом понимать
Душу ее ненасытную, ненаживную.
Жалость — по-русски любовь. Сердолюбую мать,
Может, еще и люблю, — но давно не ревную.

* * *

*Ах, васильки, васильки,
Сколько вас выросло в поле..*

Прости, невозвратимый праздник...
Непостижимо далеки
В гербариях старообразных
Те давешние васильки.
Прости! Препоны и клинки,
И ласточки, и сквозняки
Осели в слайдах, беспрестрастных
И не по-доброму прекрасных.
Под ними бирки, номерки.

Я молод был, земного пира
Цветочную галиматью
Из коммунального сортира
Волок в метафору мою.
Пир выдался под стать жилью...
Очнулся — бездны на краю,
Один. Посередине мира
Стою, у ног кирка и лира —
И местности не узнаю...

* * *

Конец июня, зной и лень,
Густеет синева,
И — в полночь на Иванов день —
Цветет разрыв-трава.

Найти ее, зажать в горсти
Разящее былье,
Былое вырвать прочь — прости,
Отчаянье мое!

Вот разрешение оков,
Свободы дивной клад.
Неразделенная любовь
Утрачивает яд.

Трава прекрасна и горька,
И от сердечных ран
Целит вернее, чем строка,
Сильнее, чем емшан.

**Беру, поправшую поправ
Без тени торжества,
Из всех отечественных трав,
Тебя, разрыв-трава.**

1984

* * *

В этом царстве растений,
Царстве тяги земной
Больше нет средостений
Между волей и мной.

Распадаются узы,
Тяготившие дух,
Отворяются шлюзы,
Разделявшие двух.

Мне мила земляника,
Мил березок синклит —
Но трава повилика
Ничего не велит.

III

ОРИЕНТАЦИИ

Ты дал мне землю полуденную,
дай мне и источники вод.

Иисус Навин 15 : 19

ПОХВАЛА ПОСРЕДСТВЕННОСТИ

Напрасно поэт проповедует страсть
И шалости славит свои:
Душа оживает, пред небом стеснясь,
В тщете отыскав колени.

От страсти жестокостью густо несет,
И слишком собой занята
Язычица, славящая эпизод,
Сегодняшняя правота.

Любовники свет позабыли; толпа
За Савонаролой валит, —
А сердцу милее лесная тропа
И портик, где учит Евклид.

Где формы проникнуты мыслью Творца
И соты расчислены впрок,
Вещунье, к чьим лапкам пристала пыльца,
Посредственность — славный упрек.

Живителен труд галилейской пчелы,
И мед ее трезвый хорош.
Душа и не ищет иной похвалы,
Ее на испуг не возьмешь.

Противен ей крайностей вычурный храм,
Скучна прихожан его спесь,
Открыт ее дом средиземным ветрам,
Стоит, продуваемый весь.?

И ты отвергаешь разбойничий свист,
Подмости, кинжал и вино, —
Засим одиночество, *медисвист*,
Тебе на земле суждено.

* * *

Несчастливая любовь питает и ведет,
Полжизни озарив, все очи не смыкает.
Ты любишь и любим, но эта жизнь — не в счет,
А в той — безумец Лир от царства отвыкает.

Все высмеяно в ней рассудком и судьбой,
Не выскажешь ее доверчивой подруге,
Трудом и горестями связанной с тобой;
Все выветрилось в ней — но не смолкают звуки.

Уже и образ тот, и голос, и слова
Утрачены навек в потоке инкарнаций,
Но длится чудный гимн, таинственно жива
Твоя мучительница в сонме муз и граций.

БАЛЛАДА

Жил человек в Шварцвальде. Черный лес
И горы, горы...

Встречный мерседес,
Сбавляя бег, как пуля на излете,
Внезапно нас слепит на повороте
И исчезает — за косым снежком,
Кружащимся над этим краем...

В нем

Водились тролли, обитал забавный
Гном, бюргерской порядочности славной
Волшебный страж. Творцу угоден он —
Не то что бахараша-плотогон
Михель Голландец: этот был верзила,
Нечистая им овладела сила,
Сердца скупал он...

В светлой полосе —

Стволы и хвоя, серпантин шоссе
Упрямо тянет в горы, на асфальте —
Не снег, а грязь...

Жил человек в Шварцвальде
И не трудясь хотел разбогатеть.

К лукавому он попадает в сеть,
А гном, на месте оказавшись кстати,
Беднягу возвращает к благодати:
Наш угольщик оставил блуд, трудом
Вернул достаток в сирый отчий дом,
С любимую воскресшей помирился..
Но лес шумит, угрюм..

Не изменился

С тех пор пейзаж: все так же мрачноват,
И этот путь в горах — витиеват.
Прекрасной прозы мерное теченье,
Художественное нравоученье
В нем слышу. Не беда, что он знаком:
Сентенцию припорошим снежком,
Красы невиданной поставим ели,
И Рейн, полоской светлой акварели,
Контраста ради (или озорства),
Втесним в подрамник, подкрепив слова,
А в хвои шум вплетем строку Вивальди
Иль Моцарта..

Жил человек в Шварцвальде.

Я знал его и восхищался им
В краю родном, который стал чужим;
Он был жрецом Урании холодной.
Я тоже тщился истиной свободной,
Значки таинственные выводил,
Мой акроним вживлял в них что есть сил,
Вселенную внедрял в число Бернулли, —

Но звуки алгебру перетянули,
Сник мой естественнонаучный пыл...
Ему и мне — нам север вреден был,
Лапша, клопы да враки надоели,
Бездельем тяготились мы...

В ущелье

Ныряет наш фольксваген. На скале,
Слегка поблескивая в зыбкой мгле,
Маячит изваяние оленя;
Давным-давно, в порыве умиления,
Его, земле во славу, вознесли
Вольнолюбивым возгласом земли,
Излишне, может быть, сентиментальным,
Но сделанным на совесть, матерьяльным,
Таким, что собственника веселит, —
Что нам обычай подчеркнуть велит
Со снисходительностью...

Нет, не пивом,

Не благонаравьем тягостным, а мифом,
С Гельвецией сведя Бахчисарай
И Ганзу, чуден скифу этот край.
Здесь грозно все взывает к подсознанию,
К прародине, к первичному изгнанию,
К Предвечному, и дух густой как мед
В прирейнских землях и лесах течет
Для нас...

Жил человек в Шварцвальде. Он,
Своим искусством древним упоен,

Водитель был, однако же, исправный,
И мы доехали. Я помню славный
Разноязыкий шумный русский дом,
И в нем достаток, нажитый трудом —
Осмысленным, не тем, что нас состарил.
Хозяин — китаец, он кочегарил
На севере, а здесь преподает...

...Нет, труд не враг душе, наоборот,
Расслабленность — вот малодушие; к людям
Льнет пошлостью она и словоблудьем;
В жестокости и скуке потонул
Хваленый артистический разгул, —
А чада сердца с нами остаются.

Нет, это вздор: сердца — не продаются,
И покаяньем — не искупишь ложь.
Возлюбленную к жизни не вернешь.

* * *

Архитектура — вот что Ему
Провиделось в предвечную тьму, —

И женщину Он строит, как дом:
Как ждущий наполнения объем.

Профессор морфологии, сват,
Он сочлененья чтит и обряд

Он сам не свой до форм. Парфенон
Порывом чувственным вознесен.

В стенах локализованный дух
Разыгрывает действие о двух.

Зиждательная мысль хороша:
Под сводами гнездится душа,

Блаженствует меж линий и числ
Двупольный ритмизованный смысл.

План мира сексуален — и речь
Приличествует в ритмы облечь...

«...Довольно рассуждать, помолчи,
Забудешь бутерброд и ключи.»

1988

* * *

Дорога сворачивает на Камчатку.
Гражданскую, веришь ли, оборону
В нагрузку к языку и литературе, —
Вот что она там преподавала!

Сопки, олени. Поодаль — Чукотка,
Где отпуск учительница проводит.
Холодное, комариное лето.
Полдюжины выцветших фотографий.

Возвращенье. Безвременье, остыванье,
Романы, супружество полупустое.
Качается маятник московский.
Линяет, в кольца свившись, эпоха.

Тут — приговор: от силы — полгода.
Резиновые перчатки хирурга;
Эфио, щекочущий нерв; морфий;
Апелляция к небу. Оттуда — прощенье.

Теперь — каббала и виноградник
В зеленой, сияющей Галилее.
Судьба, при ближайшем рассмотрении, вышла
Как все. Твоей и моей не хуже.

1968

БАЛЛАДА

Был я мал. Судьба была не видна.
Посулила мне старуха одна:

«Вот возьмешь из рук моих этот цвет —
Станешь ты национальный поэт!»

Я, как водится, вконец оробел:
Колокольчик нежно так голубел...

Засушил его я в книге. Цветок
На загадочную лирику лег.

Русский классик и большой патриот
В ней Шотландию отчизной зовет.

Сокрушительный и сладостный хор
Прянул в душу мне: пиратский простор,

Кливер, туч края жемчужны, жираф
Бродит (шею над скворешней задрав)...

Чуть-чуть ерничала бабушка. Слог
Я не выдумал, а чистым сберег:

«Внидь в народа твоего мощный дух!»
(Не сказала лишь, какого из двух;

Не сказала, чем талант нехорош,
Если части целое предпочтешь...)

Звали Агнией сивилгу. Вопрос
Вместе с холмиком травкою порос.

Вождь похерен, атом в ступе растерт
До тестикул, до желез и аорт,

Лимфой полнятся рубины Кремля,
Под стеною шевелится земля,

Черный колокол утюжит страну,
За обиду выдавая вину...

В Левашове, в предпоследний приезд,
Посетил я покосившийся крест;

Всплыло детство: дачный садик сырой,
Флоксы, грабли, керосинка, Роб Рой...

**Верно, молодость мою берегла:
Все-то знала, да с собой унесла.**

1988

* * *

Харита строгая нашептывает мне:
Венки и почести на этой шаткой сцене
Оставь ребячеству, живи в своей стране
И неразбочивой не угождай Камене.

Хозяйка ветренна и любит мишуру,
Бессмертник скучен ей — милее асфодели.
Другой, немотствующей на чужом пиру,
Подсохший стебелек подносит Боттичелли.

ПОДРАЖАНИЕ БЛЭЙКУ

Think not thou canst weep a tear
And thy Maker is not near.

Это — жизнь: другой не будет.
Все, что в ней не удалось,
Все, что нас гнетет и нудит, —
Все в Творце отозвалось.

От слезы Его горячей
Оживаю всякий час.
Он скорбит о неудаче
Вместе с нами, больше нас.

ЯСОН

Мне было тринадцать лет.
Я слышал чудные звуки
И знал: удел небывалый
Судьбой уготован мне.

Мне было тринадцать лет.
Свирепый голос призыва
Гордостью беспредметной
Душу мне наполнял.

Мне было тринадцать лет,
Когда у ручья старуху
Я встретил: горб и лохмотья.
И мне сказала она:

«Юноша, воды быстры,
Камни остры...» С размаху
Ее, подхватив, перенес я
Через воды ручья.

Костлявые помню пальцы
И тонкую, словно в веснушках,
Коричневатую кожу
В меня вцепившихся рук.

До пояса доходила
На стрежне темная влага,
И с левой ноги сандалью
Поток у меня сорвал.

«Сядь, милый, переобуйся...»
Тут, сбит воздушной волною,
Вскочил я: «Где ты, колдунья?»
И не было никого.

1988

* * *

Ее первым любовником был
Тот, кто землю другую любил,
И стихи о стране отдаленной
Посвятил он подруге влюбленной.
Он уехал, а берег иной
В них блестит, омываем волной
Дактилической, неуголенной.

Меж холстов, табуреток и книг,
В поздний час зажигая ночник,
Она видит, как тень пробегает
От окна и к трюмо приникает,
И оттуда, сквозь сумрак живой,
К ней доносится вздох теневой,
Точно гость бестелесный вздыхает.

* * *

— Противится твоя совесть, велик соблазн уклониться,
Но битва — предначертанье верховного божества.
Итак, крепись и сражайся, — вождю говорит возница,
И кони ржут, подтверждая божественные слова.

— В бою ты не знаешь равных, тебе суждена победа,
Ты праведен перед небом, а Кауравы — грешны.
— Все верно, — шепчет Арджуна, — но сердцу противно это.
Ценой их жизни ни слава, ни царство мне не нужны.

Смотри, о бог кровожадный, — там братья мои и дяди,
Там тот, кто мечом и словом меня научил владеть.
Каких утех и сокровищ, какого призванья ради
Их гибели предрешенной я должен сейчас хотеть?

Два войска стоят недвижны, и каждый знает свой жребий.
Истории нет в помине, она еще не нужна.
Служенье, мудрость, величье — сам выбери, что нелепей.
Добавь любовь, если хочешь. Крепись. Получай сполна.

СИЕНА

Грешили — и собор воздвигнут был,
От века небывалый. Пламень скрытый
Вошел в него, овеществляя пыл
Той крохотной общины деловитой.

У них с Творцом надежный был союз.
Говел убийца, отбывая мессу,
В исповедальнях отпускали груз
И не теснили храброго повесу.

Зато и чувственному дан простор
В твоём духовном, убежавшем тлена.
Но правда ли, что мрамор — не фарфор
Ты вознесла, коммуна ди Сиена,

Над вывихами мировых столиц?
Грешили, торговали, воевали
И верили — и линии сошлись,
И ангелы к Всевышнему воззвали

И выдохнули из бесплотных уст
Неслыханное славословье раю,
В которое, как в монсеев куст,
Вхожу — и чудом, грешный, не сгораю.

1967

ВО ФЛОРЕНЦИИ

**Тот, кто Арно с Невою сравнил,
Был не вовсе не прав,
Всхлипы волн у литейных перил
Властью слова уняв.**

**Пусть он даже сказал на авось —
Вышел звук не пустой:
Что у этой реки началось,
Завершилось у той.**

**Я сегодня у этой реки.
Насыщается взгляд
Тем, что ямбы клевали с руки
Четверть века назад.**

**Здесь Европы полуденной блеск
Занялся и угас,
Чтобы слабый, но сладостный всплеск
Докатился до нас.**

Но тускнеет ее барельеф,
Лилия отцвела,
Да и третья река, обмелев,
Не влечет, как влекла.

Все морщинки лица твоего,
Город мой, узнаю.
Нет бездомнее нас никого:
Мы гостили в раю.

1987

* * *

Грустно шотландцам. История не удалась.
Жемчуг творительный родина порастеряла.
Все чемпионам досталось: и воля, и власть.
Не восстановишь таинственного матерьяла.

Юности гений дается народу лишь раз.
Дик он и страшен, но делает верное дело.
Пусть и обида забыта, и рана срослась —
Не воскресишь Александра: душа оскудела.

Я в Эдинбурге осеннем недавно бродил:
Людям невесело и в суете фестивальной.
Один заоблачный квелый свой лик обратил
К траченным немочью стогнам отчизны печальной.

* * *

**Мы зависим от произнесенных
Слов верней, чем от ночей бессонных,
Отданных счастливому труду, —**

**И не будет проку никакого
От гончарной печи и алькова
Равнодушным к славе и стыду.**

1965

* * *

Влачи сквозь низости и тщету
Земной оболочки гнет —
Лишь смерть начальную чистоту
И цельность тебе вернет.

Вновь будешь прекрасен, как был тогда,
Когда ты задуман был,
И путь твой — отсюда и вновь туда —
Проявится меж светил.

1925

* * *

Уж ты не раб — ты царь венчанный..

Некрасов

Там будет счет другой. Вся подлость отойдет,
Исчезнет без следа обидной плоти гнет,
И зубы ветхие, и пористая кожа,
И бесконечные уступки естеству.
Психея, угадав, на что она похожа,
Впервые без стыда промолвит: *я живу.*

* * *

В спокойном сознании своей правоты
Твой пасынок держит перо.
Он видит: над ним наклоняешься Ты —
Что слава ему и добро?

Течет, не мельчая, горячий поток,
Отбеленное полотно,
Страдание свернуто в плотный моток,
Смятение отмечено.

Он вынес такое, о чем прошептать
Не сможет — не сможет никто —
И гальку морскую не станет метать
Химере в ее решето.

* * *

Мой польский классик, за ручьем твоим
Свет выключен, итог непоправим.
Свинцовые нас воды разделяют.
Как ты, еще паромщик твой не знает
Меня, и неразменный мой обол
Еще в кошель его не перешел,
Способствуя благоустройству в зоне
(Сизифу — фартук, шпильки — Персефоне).
Дай срок, увидимся. И я служил
Тому, что в жилах, — тою, что из жил,
Как ты. Залогом нашего союза —
Моя эллинистическая муза,
Родня твоей, хоть и на русский лад
(и школьники ее не затвердят).
Сойдемся мы. Но я вперед замечу
И малость ту, что омрачит нам встречу:
Толпе, как ты, не верил я, не звал
Уравнивающий гонимых вал,

И пыл мировоззрений мне наскучил,
Как зал музейный, где собрание чучел.
Для Клии войны ямбов не важней.
И в жизни (страшно прилепляться к ней!),
И в смерти (чьих трудов не отворишь)
Равенство — чушь, очередной фетиш.
Мир тот же. Как ни просвещай народы,
Задумчивой не выведешь породы.
Стопы крестьянские в крови омыв,
Правдоискатель спит — и видит миф.
Ты виноват, вся жизнь твоя ошибкой
Была пред ним. С блаженною улыбкой
Твои очки раздавит христофор,
А там и главный выложит укор.
Не оправдаешься в грехе извешном
Ни Польшей, ни *отечеством небесным*,
Души не скленишь, флагу присягнув
В гнезде ветров, где вечность чистит клюв.

* * *

Тем душе тривиальность любезна, что ты
Возникаешь в январском снегу.
Свет доходит ко мне и от дальней звезды —
Но обнять я тебя не могу.

Слава Богу, что так. Мой скудельный сосуд
И не стоит космических ласк —
Но теки, шелковинка! Храни свой маршрут,
Неизменный держи параллакс.

В сорок месяцев луч покрывает парсек.
Знаешь, сколько воды утекло?
Обновились собрания библиотек.
Где мы жили — сугроб намело.

Улыбнувшись, в пространство ты бросила взгляд
Нас с тобой уже нету почти,
Но улыбка проходит заснеженный сад
И галактики ниже в пути.

Значит, впрямь ты звезда. Повторю, не стыдись,
То, что сказано тысячи раз,
Потому что слова — это счастье: их вязь,
Словно жертвенник, требует нас.

1969

* * *

Политик в той земле доживал,
Поблажку в той заслужил
Стране, с которой он воевал
И которую победил

Отечество, воплотясь в большинство,
В торгашеский ушлый класс,
Провидчески выдворило того,
Кто вел его в страшный час.

Наместничествуя, снискав почет
На материке царей,
Вздыхает он старчески: «Все течет,
Все суетно. *Панта рэй.*»

В Европе смеркается. На берега
Любезных внутренних вод
Он смотрит со стороны врага,
Впивая пышный заход.

А часом раньше всходит на борт
И вскоре над ним летит
Кто тоже страстный был патриот
И страстный космополит.

(Вот пункт, где мы уроним слезу
На варварскую строку:
Стовесельный парусник там, внизу,
И боинг здесь, наверху.)

Не воин, не мученик, не герой,
Чухонец, анахорет,
«В подлунной, — вздыхает этот второй,
Больших изменений нет.

Капризный средиземноморский рок,
Навязчивый компаньон,
Таких повымостил нам дорог,
Что и Мёбиус посрамлен.»

Он видит с набранной высоты,
В стекло упираясь лбом,
Кикладов кленовую медь, пласты
Гончарные в голубом.

ВОСЛЕД ЗА ПЕРСЕФОНОЙ

1

За топкой, на Адмиралтейской шесть,
Оставил я автограф мой в бетоне,
Дыру в стене заделав: след ладони.
Как знать, не виден ли он там и днесь?

В тот год последняя сгустилась мгла,
И, полнясь жертвенностью отрешенной,
В котельные, вослед за Персефоной,
Камена петербургская сошла.

Там, под имперской правильной иглой
Морей ревнительницы азиатской,
В ревнивой обездоленности братской
Пророков сонм ютился удалой.

От входа обмуровкой скрыт на часть
Был круглый стол, и кресло раскладное
Стояло, время праздную дневное,
Запретным ложем к ночи становясь

(уставом спать не разрешалось). Там,
В зловонной утопической юдоли,
Так обреченно грезилось о воле...
И рок отсчитывал дежурства нам.

2

Мне чудилось: я Молоху служу.
Гудело пламя, стоны раздавались,
Танцовщицами стены покрывались,
Подобными плясуньям Лиссажу.

В любовной изнурительной борьбе
По рыхлым сводам, грязной занавеске
Живые пробегали арабески
И исчезали в отводной трубе.

Сова садилась на байпас. Геккон,
Подслеповатый красноглазый ящер,
По кафелю, цивилизаций пращур,
Отвесно шел, к сознанию устремлен.

Язычество, неистовством полно,
Игрою упивалось ритуальной.
Его авгур, алхимик карнавальный,
Клюкой стучался в тусклое окно.

Открыть — ворвется, старый краснобай,
Присев, щепотку соли в топку бросит
И, чуть займется натрий, зверя просит
(как те поляне): «Боже, выдыбай!»

3

Вот трое у стола, за дверью дождь.
Один — в ударе, двое, в терпеливом
Сообщничестве, хором молчаливым
Его торопят: скоро ль ты уйдешь?

Вот женщина, с ней девочка, шести
Примерно лет, чуть мешкают у входа.
Что привело их в гости? непогода?
Как будто нет, уже не льет почти.

Вот карбонарий: за его спиной —
Барак, поземка, пермские раздолья.
Шепнуть бы гордецу, что и неволя
Порой не к чести сводится одной.

А этот гость — на нем уже печать
Разлуки вечной и такой внезапной:
Лицо аскета, трепет неослабный
В глазах — и как я мог не замечать?

Теперь они все вместе, у огня
Другого, у другой реки державной
Сошлись в кружок — оплакать этот давний
Вертеп, в судьбе несбывшейся родня.

4

На площади святого Марка, у
Столпа бескрылого (был зверь в починке), —
Вот где живые всплыли вдруг картинки:
Закут припомнил я, лежанку ту.

Над Арно, где, слезу смахнув тайком,
Входил впервые я под свод Уффиций,
Душа опять на миг взметнулась птицей —
Куда? Туда, под крышу с гусаком.

Баварский мюнстер, что о двух главах
(и обе луковкой), Пинакотека
(где Лукас Кранах чудный и Эль-Греко)
И вдруг — задвижки масляный желвак.

Шекспировская труппа, Барбикан,
Зарезан братец Кларенс — славный норов
У Ричарда! а рядом — *главный боров*,
Запорный клапан, роторный стакан.

В котельной, на Адмиралтейской шесть...
Уж если говорить о ностальгии,
Она — по молодости: мы — другие...
И кто теперь дежурит там? Бог весты!

5

Рациональный гений не у дел
Был меж твоих мыслителей гонимых,
Адмиралтейская. Размытый снимок
Беды воображеньем их владел.

И то сказать, в прелюбопытный век
Пришлось им мыслить: небеса застыли,
Историю — указом отменили,
Чуть кто почешет за ухом — побег!

Уж тут изверишься... Под Рождество
Сидит у нас компания, случилось,
Большая. Половина причащалась,
Но и другой не чуждо торжество.

Им слышен дождь: январская капель,
Во двор со звоном рушатся сосульки.
О чем они? Бахтин. Леонтьев. Рильке.
Закат Европы. Нострадамус. Бёлль.

Случалось, пили, что тут скажешь? Тьма
И пламя, храм роднящие с таверной,
Одушевляли этот быт пещерный.
С руки его кормила Колыма.

6

«Веди и помни!» — вот ее слова.
Сперва лугами шли, и асфодели
В пятне лампы сухо шелестели,
Как на земле — опавшая листва.

Потом — альгамбр нависли потолки.
В стоустом сталагмитовом подвале
Дышала магма, монстры пировали.
Потом пошли забои, рудники.

И вот забрезжило... Сюжет велит
Все позабыть, в истерике забиться.
Тут выручит — горчичная крупица,
Зерно гранатовое исцелит.

В двойной ограде сей — уста певца
Деревьям и камням служить не станут,
Их ящеры и птицы не обманут,
Лукавый зверь не выманит словца.

**Вожатый встанет и продолжит путь.
За милой — штольни страшные сомкнутся.
Теперь пора. Тот волен оглянуться,
Кто мученицу к жизни смог вернуть.**

1989

